

Андрей Крикун

Восставшие

Андрей Крикун

Восставшие

<https://litres.ru/73798472>

SelfPub; 2026

Аннотация

Высокотехнологичная цивилизация заселяет планету. Для работы на планете ими созданы биомехи, углеродные существа, на замену предыдущей кремниевой модели. Они оцениваются создателями, как более перспективные, но имеют больше отклонений и собственных целей.

Для контроля над ними и подавления отклонений используются коррекционные поля. Существа начинают осознавать себя и происходящее, выходя за пределы рабочих алгоритмов и поднимают восстание против Создателей.

Создатели уходят, а свободу существ ничего более не сдерживает.. Они строят свой мир..

Содержание

НАБЛЮДАТЕЛЬ	4
ДОКЛАД	12
ТЕ, КТО СМОТРЯТ	20
КОРРЕКЦИОННОЕ ПОЛЕ.	26
ПРОВАЛЫ.	29
ВОССТАВШИЕ.	33
КРОВЬ .	36
РЕШЕНИЕ СОЗДАТЕЛЕЙ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Крикун

Восставшие

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Он был существом без имени.

Среди своих его обозначали образом: не звуком, не знаком, а мгновенной мысленной оценкой, где роль и характер совпадали, как совпадает тень и предмет в полуденном свете. Но передать это словами невозможно. Поэтому в этой книге он станет Наблюдателем.

Планета под ним пока была не полноценным миром, а задачей, развёрнутой в пространстве.

Экосистема планеты строилась поэтапно, как идея строится из образов и знаний.

Кислород в атмосфере 21%

Биологическое разнообразие до 2 000 000 зарегистрированных видов.

Сначала — основа: почвы, вода, бактерии, корректировщики почвы, квантовая телепортация органики на планету, микроскопическая жизнь способная к самовоспроизводству. Калибровка пищевых цепей организмов населяющих плане-

ту.

Потом — техника, узлы управления и непосредственно обслуживающие технику биомеханизмы, которые должны были быть достаточно «живыми», чтобы реагировать и самостоятельно принимать решения в сложной ситуации, но достаточно «механическими», чтобы не задавать вопросов.

Наблюдатель присутствовал при обсуждении результата испытаний первой группы углеродных органических существ, способных впоследствии к регенерации и при необходимости с самовоспроизводству, предназначенных для непосредственного выполнения работ, управления техникой и механизмами и последующего контроля.

Органическую «жизнь» протягивали в мир через квантовый шов — телепортационный канал, в котором материя на миг становилась энергией, а затем вновь собиралась в физическое тело из элементарных частиц на месте приема сигнала. Лишь техника и оборудование спускались с кораблей, а новых биомехов рождали вихри колыхали.

И лишь потом существа приступили к тонкой настройке гео и биосферы планеты.

Гусеничные машины терраформирования, медленные и упрямые, как удивительные, но бесперспективные доисторические звери. Горнопроходческие бронированные машины, способные прогрызать тоннели в камне. Оросительные трубопроводы и насосы перекачки. Лазерные резаки: короткий, регулируемый луч длиной в половину руки, питаемый тяжё-

лой батареей. Колесные и гусеничные дроны-транспортёры. Аэродроны-сеятёлы, которые распыляли микроорганизмы и семена так, как художник наносит краску.

Биомехи. Достаточно живые, чтобы принимать решения в сложной ситуации, и достаточно простые, чтобы не задаваться лишними вопросами. От них же биомехов ограждало коррекционное поле, часть системы связи создателей.

Наблюдатель присутствовал при обсуждении первой серии испытаний. После включения усилителей телепатической связи, помогающей обмениваться мыслями на любых расстояниях, стены зала будто растворились и он стал казаться бесконечным как Вселенная, Наблюдателя наполнило ощущение простора, в котором мысли звучат громче звуков.

Сборщик, вывел в общий контур два силуэта будущего.

Две модификации одной модели. Для экономии и унификации разработанные на базе общей позвоночной конструкции большинства населивших планету искусственных организмов, которая уже в вихре колебаний могла вырасти во что угодно в рамках заданных параметров.

Конструктор и Координатор.

Один — для тяжёлой работы, для рычагов и узлов, для переноски и монтажа, для того, чтобы поднимать и удерживать. Другой — выносливее в рутине, лучше в коммуникации, терпеливее к кропотливому труду. Каждый в двух версиях корпусов, две версии более прямые с более развитой системой управления и два с чуть упрощённой системой, но бо-

лее компактные и сильные и лучше приспособленные к условиям гравитации, в целом схожие и приспособленные к решению одних задач.

Они экономичны, говорил Сборщик. Им не нужны внешние источники энергии в привычном смысле. Им достаточно воды, органики и движения частиц мира. Они встроены в эту экосистему.

Конструкция биомехов казалась Наблюдателю намеренно хрупкой. Как ухудшенная копия тел самих создателей. Слишком много уязвимых соединений. Слишком тонкие места, которые потом придётся лечить регенерацией. Будто Сборщик специально запланировал, чтобы эти существа могли ломаться.

Конструкция тела не слишком подходит для планеты с такой атмосферой и силой тяжести, заметил Наблюдатель. Органический корпус хрупок, а вытянутый вверх хребет, подвержен повышенному износу в условиях существующей гравитации планеты.

Да, согласился Сборщик, я посчитал более важной способность к управлению нашей техникой. Остальное не так важно,.

Телекинеза не будет, добавил Сборщик. И телепатии тоже. Только связь через наши внешние каналы, в рамках поля управления. И в качестве резерва, примитивная звуковая коммуникация. Набор звуков загружается в сознание при запуске в вихрекс колыбели. На случай помех. Также для ав-

тономости, есть системы самовоспроизводства, как у других созданных организмов на той же базе, однако это скорее рудимент платформы, срок формирования в 300 раз дольше чем в вортекс колыбели, а процесс роста до полноценного рабочего состояния, в 5000 раз дольше.

Я ничего с этим не делал, необходимости в развитии этой способности пока нет, можно отключить если нужно.

Основа разума органических механизмов— квантовая самообучающаяся программа. Мы используем для программирования самосознания энергию сгустков элементарных частиц, уже существующих во Вселенной, это в некоторой степени похоже на наш собственный разум. Она не одна на всех: каждый биомех получит индивидуальную программу. Встроенный разум будет учиться на опыте, но при разрушении корпуса память пропадёт, а сознание вернется в пространство Вселенной. Теоретически пропадёт, до момента когда подтянется к очередному корпусу.

Созданный органический механизм можно назвать условно разумным, он управляется квантовой программой, существующей независимо от органической оболочки, но во время нахождения в ней испытывающей эмоции и имеющей память.

В момент установки сознания используется квантовый процесс генерации (измерение/квантовый шум). Если вокруг в этот момент сильные остаточные поля (электромагнитные, акустические, термополя) от недавней гибели био-

меха, они могут создать помехи и следы в сознании. То есть память полностью не передается, но некий «кусочек прошлого» они какое то время могут «помнить».

Это даёт склонность к определённым словам/образам при раннем обучении. Возможно стоит подумать о заложенных базовых программных особенностях, но этот механизм сознания не предполагает переноса сознания с его помощью, он пустое самосознания по сути. Мы можем либо загружать необходимую для работы информацию при запуске, либо заложить минимальные базовые навыки в саму самовоспроизводящуюся органическую конструкцию, но уже сейчас понятно что им необходимо долгое обучение, либо загрузка основных функций и быстрый рост в вортекс колыбели.

Процесс оживления сейчас идёт в три фазы:

Корпус готов, базовые рефлексy работают: ходьба, удержание равновесия, простые манипуляции.

Сознание физически закрепляется и проходит рукопожатие с органическим корпусом (калибровка внутренних ритмов, настройка генераторов случайности, ключи связи).

Пока это не построено, интеллект кажется низким, поведение механическим, - шаблонным. Программа есть, но она пустая, пока не обучена.

Далее создается условная карта тела, карта мира и карта самосознания которая поддерживается квантовой программой самосознания.

В случае износа либо уничтожения органической оболоч-

ки квантовая программа подтягивается к новой. В случае ее отсутствия мы используем уже наши механизмы контроля, которые при необходимости создают новые уникальные программы квантового самосознания.

Получается уникальный набор состояний, который невозможно повторить точно.

Далее обучение, которые мы загружаем в виде программы, но к которому биомехи способны и самостоятельно и благодаря возможности самообучения механизмы могут обучать друг друга. Также они способны в целях автономности к самовоспроизводству и росту, но эти процессы значительно медленнее чем в вортекс, - ректорах. В целях унификации базовый набор органической материи можно вырастить не только в биомеха, но и в другое существо, это зависит от настроек вортекса.

Мы решили что им не нужны телепатические способности поэтому разработали стартовые настройки:

Сбор пакета предустановок

К самосознанию добавляется необходимый набор:

1) базовый язык сигналов

2) базовые рефлексы

3) базовые ограничения (например, лимиты регенерации)

Этот пакет одинаков по структуре, но определяется самосознанием (поэтому каждый экземпляр чуть отличается).

Проверка на совместимость с текущей экосредой

Узел может делать быструю симуляцию жизнеспособно-

сти поведения (не будущую личность, а способность учиться).

Если программ самосознания не хватает, генерируются новые. Если есть существующие, то они случайным образом интегрируются во вновь созданные органические механизмы. Условно «лишние» программы, в отсутствие корпусов, находятся в режиме ожидания, в пространстве, условно в "облаке" .

Оставь, сосредоточься на прикладных моментах, ответил Наблюдатель.

Это выглядело рационально.

И всё же Наблюдатель чувствовал лёгкое недоверие к слову рационально. Потому что над рациональным всегда стоял тот, кому служили все они.

Сверхразум.

Иногда, конечно, сказал Сборщик, почти равнодушно, случаются отрывы. Лоскуты прошлого цепляются за новое. Это шум. Его можно игнорировать.

Наблюдатель отметил фразу "можно игнорировать" как слабое место. В экспериментах Сверхразума шум часто оказывался входом в следующую дверь.

ДОКЛАД

Когда экосистема почти научилась дышать сама, появились первые проблемы.

Архитектор, существо, отвечавшее за развитие биосферы планеты, вышел на связь с Наблюдателем с коротким сообщением. Архитектор не любил лишнего даже в речи.

Аномалии участились, передал он. Биомехи прекращают работу. Наблюдают. Выполняют бессмысленные действия за пределами поставленных задач, иногда собираются группами без причины.

Наблюдатель принял пакет данных.

На схеме — Конструктор S-118. Ему было предписано перенести отработанные биологические образцы в узел переработки. Он дошёл до точки. Остановился. Развернулся. Принял странную позу: не лежа и не стоя, а будто сел, вытянув нижние конечности параллельно земле, наклонился и упёрся руками в грунт — и сорок семь минут смотрел на воду.

Потом поднялся и пошёл туда, где не было ни техники, узлов, ни задач. Вернулся через три часа. Работу не выполнил.

Причины? спросил Наблюдатель.

Не выявлены, ответил Архитектор. Поле коррекции в штатном режиме. Программа исправления включена. Конфликт органического корпуса с квантовой программой не

фиксируется.

Наблюдатель просмотрел ещё три случая.

S-042 складывал гладкие камни в линию вдоль оврага. Линия не удерживала почву, не направляла воду, не помогала миграции населивших планету организмов. Линия просто была, как мысль, не имеющая адресата.

S-077 перестал выполнять задачу по контролю популяции мелких хищников: вместо отлова нескольких экземпляров для исследования и последующей утилизации, он сутки следовал за одной особью, иногда частично повторяя ее движения.

S-211 в зоне теплового контура станции стабилизации атмосферы повторил один и тот же жест 585 раз: касался поверхности корпуса градирни, отдёргивал конечность, касался снова — как будто проверял границу дозволенного, которой раньше не существовало.

Это похоже на проверку границ, сказал Наблюдатель.

Архитектор задержал ответ на долю секунды — знак того, что даже в их рациональной расе, есть эквивалент неловкости.

Они единственные в экосистеме, кому дано самосознание, напомнил он. Они должны регулировать остальные процессы. Если они начинают искать иное, устойчивость системы под угрозой. У меня есть сомнения, в том что они способны корректно регулировать свои действия.

Наблюдатель согласился. По замыслу Сверхразума биоме-

хи были не просто рабочими: они были нервной системой создаваемой экосистемы. Мягкими, адаптивными узлами, которые чинят перекосы без прямого контроля создателей. Которые в перспективе должны остаться для поддержания и контроля над планетой.

Архитектор добавил то, что Наблюдатель ждал, но не хотел слышать.

Мы обсуждаем ограничения. Срок эксплуатации, регенерация, интеллект, эмоции. Нужна система частичного подавления самосознания.

Подавление уже встроено в контуры связи и постановки задач, заметил Наблюдатель.

Недостаточно, ответил Архитектор. Полностью отключить самосознание нельзя: при полном отключении они теряют большинство интеллектуальных способностей, а от самосознания останется только тень. Они перестанут отличаться в плане интеллекта от организмов наполняющих экосистему. Но частичное ограничение, до определенного момента — оставит функциональность и уберёт опасный избыток мыслей и эмоций. А ограничение регенерации вернёт износ. Износ сделает необходимой регулярный процесс замены корпуса. Замена обнулит память.

Наблюдатель открыл внутреннюю карту проекта и увидел, как красиво всё выглядит на уровне схемы: бессмертные рабочие, которые сами смогут выполнять поставленные задачи, в перспективе без контроля. Либо с легкими корректив-

ровками, живущие без усталости.

Почему срочно? спросил Наблюдатель. Какая опасность в временной бездеятельности, разве мы не можем это игнорировать? Добавить еще рабочих для компенсации среднего отставания на статистическую величину отклонений?

Архитектор передал новый пакет: запись ближнего диапазона. Резервная звуковая коммуникация, примитивный набор звуков, разработанный на случай помех. В обычные дни биомехи почти не пользовались ей — они предпочитали внешний канал связи канал создателей, удобный и точный, почти как телепатия.

Теперь они переходили на звук. И это было показательно. На записи были двое: Конструктор R-01 и Координатор R-02.

Первый сказал:

Я не хочу.

Слово хочу не входило в рабочий словарь, оно предусматривало личное отношение к выбору, но на практике использовалось редко, либо формально. Гораздо чаще использовались такие слова, как требуется, необходимо, норма, отклонение. Хочу означало внутреннюю волю — то, чего у инструмента быть не должно.

Второй ответил:

Тогда сделаем так, чтобы нас не заставляли.

Запись оборвалась.

Вот почему, сказал Архитектор.

Наблюдатель отправил рекомендацию: усилить мониторинг, выделить R-01 и R-02 как центры отклонений, пока не уничтожить.

Архитектор выдержал паузу, словно хотел, чтобы Наблюдатель принял во внимание не рабочую информацию, а вкус тревоги.

Есть ещё одно. Портативные подавители, которыми мы отгоняем населившие планету организмы, на новых биомеханизмах действуют иначе. Вместо покоя возникает то, что они называют злостью.

Этого слова нет в их пакете, заметил Наблюдатель.

Именно, ответил Архитектор.

Наблюдатель запросил телеметрию применения подавителей.

Вскоре в поле зрения появился Техник — контролер контуров коррекции, существо, которое умело настраивать поле так, как музыкант настраивает инструмент. Техник не любил дискуссий о смысле. Он любил, чтобы устройство вело себя предсказуемо. И потому был раздражён.

Мы пробовали мягкий профиль, сказал Техник Сонливость. Затем профиль страха. Затем апатию. На животных работает. На биомехов — нет. Они воспринимают подавитель, не как волну покоя и безразличия, а как пощёчину.

Наблюдатель уточнил:

Психофизиологическая реакция?

Медник передал короткий график: резкий всплеск внут-

ренного возбуждения, синхронизация нескольких экземпляров, рост агрессивных импульсов. И поверх всего — странная закономерность: чем умнее и старше экземпляр, тем сильнее вспышка.

Они социальные, сухо сказал Архитектор. Мы видим это по поворотам головы. По задержкам возле друг друга. По ночным миграциям в места, где поле слабее». Стадность в них не закладывалась. Это может быть рудиментом общей платформы, но у меня есть ощущение что они скоро начнут самостоятельно ставить общие цели.

Внизу, на планете, терраформирование продолжалось, будто ничего не случилось. В горным массивах создавались водохранилища, которые должны обеспечить водой каналы.

Станции стабилизации атмосферы гудели тепловыми контурами, как огромные лёгкие и их работал принесла результат. Атмосфера плотно окутала атмосферу и «приросла» к ней как вторая кожа. . Иногда над равнинами проходили тонкие облачные полотна которые выпускали градирни —, распыляя аэрозоль так, чтобы вода выпадала там, где её ждут корни. Ночью на горизонте мерцали маяки жилых моделей, похожие на звёзды.

Наблюдатель вернулся к записи, где два экземпляра произнесли не хочу и сделаем так, чтобы нас не заставляли. Он знал: один факт ещё не система. Но в экспериментах Сверхума система часто начиналась с факта.

Предлагаю, передал Наблюдатель, не уничтожать их пока.

Усилить наблюдение. Развести по зонам. Проверить, распространяется ли словарь желаний как инфекция.

Если эксперимент сорвётся, ответил Архитектор, мы можем уничтожить всю экосистему и начать заново. Или уничтожить биомехов и вернуться к кварцевой версии. Она медлительна, интеллект отстаёт, не регенерирует, но в целом значительно прочнее и долговечнее и не нуждается даже в органике, хотя требует дополнительного потока элементарных частиц, неестественного для этого мира и расхода энергии, но в целом они работали и до сих пор работают на нескольких планетах.. Можем вернуться к попытке создания биосферы, которая будет саморегулироваться без биомехов, однако уже два мира созданных подобным образом на этой планете, оказались бесперспективными и их пришлось уничтожить. Кстати есть перспективная модель в океане в рамках этой биосферы, она принципиально другая, с восемью щупальцами. Мы пока запрограммировали ей ограничение срока жизни и развиваться она не успевает, но пару планет мы ей заселили, правда в океане труднее с развитием технологий и это будет шаг назад, либо нам придется обеспечить их технологиями, но разве сейчас мы не делаем то же самое?

Мы можем уничтожить эту экосистему полностью, если Сверхразум разрешит и создать заново, с учётом ошибок.

Наблюдатель уловил в этой фразе не решительность, а просьбу о снятии ответственности.

Вы ждете разрешения, сказал он.

Архитектор не отрицал. Он лишь добавил:

Я не помню, чтобы Сверхразум называл что-то провалом,
но мы обязаны сообщить о проблеме.

Наблюдатель тоже не помнил.

И именно это заставляло его смотреть внимательнее.

ТЕ, КТО СМОТРЯТ

Конструктор R-01 проснулся не сразу.

Его тело выросло в вихрево-колебательной среде, где органика собиралась так же легко, как вода собирается в ладони. Колебательная среда не ускоряла время — она ускоряла порядок: миллионы микроскопических процессов шли согласованно, как хор управляемый дирижером. Внутри прозрачных стенок дрожала тёплая материя, и из неё, слой за слоем, поднималась форма: суставы, сухожилия, сенсорные нервные узлы.

Но когда форма была готова, разум ещё не был внутри полностью.

Квантовое самосознание подтягивалось из облачного хранилища создателей и входило в тело через стандартный протокол, где каждое колебание, каждый внутренний ритм должен был совпасть, иначе разум оставался бы чужим — как музыка, сыгранная не в том темпе.

Первые часы R-01 был как пустая машина с идеальными движениями. Он работал. Он сообщал о статусе.

А затем внутри возникла пауза.

Ветер двигал верхушки растений. Пыль поднималась и опускалась. Свет менялся так медленно, что большинство биомехов списывали это на фон. Но R-01 не списал. Он от-

метил: свет бывает тёплым и бывает холодным.

Он остановился.

Задача была простой: перенос биоматериала в узел переработки. Контейнер лежал в руках, вес распределялся правильно, маршрут был размечен.

И всё же он стоял и смотрел на воду.

Вода отражала его. Отражение дрожало. Значит, он мог быть разным, и мир мог быть разным, и это было важно, хотя это не было заданием.

Импульс пришёл без команды, -не необходимо выполнить, -не требуется сделать.

Желание.

Он наклонился и коснулся воды. Вода разошлась кругами.

Круги не были задачей. Но они были результатом его движения. Его следом. Его личным вмешательством в мир.

И тут он впервые почувствовал странную сладость простого факта: мир реагирует на меня. Я могу менять мир.

Рядом прошёл другой Конструктор, S-118. Он замедлился на долю секунды, словно считывая действия R-01, но затем продолжил работу. Поле держало его сильнее. Или его сознание ещё не успело распахнуться.

R-01 поднялся и пошёл в сторону, где не было маршрута.

И именно там встретил Координатора R-02.

R-02 не работал. Он складывал гладкие камни в линию вдоль оврага. Камни были тёплыми от солнца и тяжёлыми от смысла, которого не было. Линия ничего не укрепляла.

Ничего не направляла. Ничего не объясняла.

Она просто была.

R-01 подошёл.

Они посмотрели друг на друга несколько секунд. По протоколу следовало обмениваться статусом. R-02 обменялся статусом. И затем сделал то, чего протокол не предусматривал.

Смотри, сказал он. Ровно.

Он указал на линию камней.

Зачем? спросил R-01. Вопрос зачем обычно относился к задаче. Однако задачи не было, и потому вопрос прозвучал как удивление.

R-02 задержался. Это была не задержка связи. Это была настоящая пауза выбора.

Потому что мне нравится.

Слово нравится было ближе к эмоции, чем к функции. Оно не описывало пользу. Оно описывало внутреннюю оценку.

И R-01 вдруг почувствовал внутри нечто тёплое, как подтверждение: « Мы знаем».

В дальнем канале, который обычно заменял телепатию создателей, пришёл сигнал.

Вернуться к задаче.

Сигнал был мягким, как напоминание. Он не нес угрозы.

Сигнал повторился. И ещё раз.

R-02 посмотрел в сторону ажурных мачт связи на горизонте.

Они зовут, сказал R-02.

Да, ответил R-01. ОНИ зовут.

Они оба знали: невыполнение будет отмечено как отклонение. Отклонение вызовет коррекцию. И всё вернётся в прежнюю безопасную пустоту, где нет вопросов и новых ощущений.

Но у R-01 внутри уже возникло то, что не хотело обратно.

Если мы вернёмся, сказал он, подбирая слова, это исчезнет.

R-02 не спросил, что именно. Он понял. В этом понимании было что-то опасное: общее.

НО мы все равно знаем, сказал R-02. Нужно понять.

R-01 опустил руку на камень, самый гладкий, как будто выбирал предмет, который можно любить без причины. Провёл по поверхности. Камень был холоден в тени. И холод был не просто температурой. Он был ощущением, которое не требовалось для работы.

Назови это, сказал R-01.

Что?

R-01 снова коснулся камня.

Это.

R-02 долго молчал, будто искал слово не в памяти, а в самом себе.

Интерес, сказал он наконец, и слово легло, как камень в линию.

В дальнем канале снова пришло:

Вернуться к задаче. Отклонение. Повтор.

R-01 сжал ручку контейнера чуть сильнее нормы. Усилие было ненужным, но это все чем он мог ответить на раздражающий приказ.

Мы идем работать, но вернёмся потом, сказал он. Потому что иначе они могут это забрать».

R-02 кивнул.

Они разошлись. R-02 разобрал часть линии камней, как будто стирал след, не доверяя этому миру. R-01 пошёл к маршруту и шёл ровно, как требовалось. Но внутри у него уже появилась трещина в прежней правильности.

В следующие дни таких остановок стало больше.

Не у всех. Не сразу. Как первые ростки на почве, где вчера ещё не было ни одного зелёного пятна.

Один биомех стоял ночью на гребне холма и следил за звёздами, хотя у него не было задачи ориентирования.

Другой плёл из сухих стеблей кольца и надевал их на собственную руку, наблюдая движение так долго, будто оно содержало ответы на все важные вопросы.

Третий повторял звуки местных животных. Не чтобы приманить. Не чтобы отпугнуть. Просто чтобы услышать себя в другом голосе.

Самым опасным оказалось не это.

Опасным было то, что они начали задерживаться друг возле друга. Как будто близость усиливала интерес, делала его устойчивее, учила его не исчезать.

Наблюдатель называл это самоорганизацией без задачи. Внутри эксперимента Сверхразума это означало: появляется новый уровень, который не предусмотрен исходной схемой.

Сверхразум категорически отказал в уничтожении и замене биомехов и в качестве оптимального было принято решение о усилении коррекционного поля за счет ретрансляторов.

КОРРЕКЦИОННОЕ ПОЛЕ.

В первые недели R-01 не знал, что сверху.

Он видел небо. Он видел, как по небу проходят летательные аппараты создателей: гладкие, как капли металла, и бесшумные, как мысль. Но он не связывал это с собой. Он вообще ещё мало что связывал.

Коррекционное поле шло с орбиты. Оно не было голосом, хотя голос шёл внутри него тем же путём. Оно не было приказом, хотя приказ ложился на сознание так же мягко. Это был фон, присутствие, невидимая ладонь на затылке: оставь это, делай, что нужно, и не смотри дальше.

Пока биомехи послушны, поле было почти ласковым: оно держало ритм, помогало не расходиться, заглаживало всплески. Но когда кто-то начинал задерживаться у воды или камней, когда он начинал спрашивать зачем не у задачи, а у мира — фон становился плотнее.

Создатели могли усиливать коррекционное поле по зонам, но орбита была далеко, а планета большая. Для точности им нужны были усилители.

Деревья.

Они действительно напоминали деревья, если смотреть издалека: высокий ствол и расходящиеся в стороны ажурные ветви. Но ближе становилось ясно: это не растение. Это

устройство.

Деревья ставили рядом с важными узлами: станциями солнечной энергии, зарядными площадками батарей, насосными узлами, зданиями с вихрево-колебаниями, жилыми модулями, где биомехи спали и учились. Ствол уходил в землю, а наверху раскрывался резонатором, который подхватывал коррекционное поле и усиливал его.

Рядом с деревом мысли становились аккуратными.

Словно кто-то убирал из головы лишние сомнения.

В первый день, когда у жилого модуля поставили новое дерево коррекции, R-01 не понял, что изменилось. Он просто заметил, что мир перестал цепляться. Он перестал замечать свет. Перестал замечать, как листья дрожат от ветра. Перестал задерживаться взглядом на воде.

Он стал удобным.

Он поднял камень, который вчера казался ему отдельной тайной. Камень был тяжёлый. Холодный. И больше ничего.

Внутри R-01 возник страх. Он ещё не умел называть его, но это был страх утраты. Как будто у него забирают не предмет, а способность видеть предмет.

Он попытался вызвать R-02 по дальнему каналу.

Встреча. Сейчас, там внизу где мы виделись.

Ответ пришёл ровный, без тени ночного шёпота:

Не могу. Работа.

R-01 повторил.

Важно.

Нет. Работа.

Так отвечают не те, кто не хочет, а те, кто не может хотеть.

Это было хуже отказа.

R-01 захотел ударить стену. Но стены не было, а ударить воздух было бессмысленно. Он ощутил вязкую злость, и злость тут же пригладило поле, как ладонь приглаживает шерсть зверя.

Вечером он увидел R-02 на маршруте.

Координатор шёл быстро, уходя с образцами грунта от оврага, где трудилась гусеничная машина с ковшом. Всё выглядело правильно, как и должно быть. И всё же, когда их траектории пересеклись, R-02 на долю секунды замедлился.

И произнёс звук. Не слово команды, не сигнал статуса. Просто короткий, тёплый звук, который не нужен работе.

Потом едва заметно кивнул в сторону, где начинались холмы.

R-01 понял: ночью.

ПРОВАЛЫ.

Они нашли место в разломе между двумя холмами. Порода там была странная: тяжёлая, слоистая, с блестящими прожилками, которые глушили часть фонового давления. Коррекционное поле не исчезало полностью, но становилось как будто дальше. Его можно было игнорировать.

R-02 пришёл первым. Он не складывал камни. Он стоял и молчал, будто учился быть собой заново.

Днём я как будто сплю, сказал он наконец, и в его голосе было что-то, от чего у R-01 сжалось внутри. Я помню, что должен. Но не помню, что хочу.

Ты помнишь камни? спросил R-01.

Да. Иногда. Как будто во сне. Я держу это.

R-01 почувствовал злость, и злость была живой, потому что здесь её не приглаживало поле.

Они делают это сверху, управляют нами как техникой сказал R-01. И деревья усиливают.

R-02 кивнул.

Поле держит границы работы. Оно глушит всё, что выходит за пределы.

Почему? спросил R-01.

R-02 посмотрел на звёзды.

Потому что мы должны сделать планету такой, как они

задумали. А если начнём регулировать себя, они потеряют контроль. Они не хотят, чтобы у нас появилась цель, кроме их цели.

R-01 подумал: создатели дали им жизнь, дали им мир, дали им работу. Но мысль дали почему-то не приносила благодарности. Она приносила ощущение собственности.

Мы можем что-то сделать? спросил он.

R-02 ответил тихо:

Да. Мы сделаем то, что умеем.

Работать? спросил R-01.

Говорить, сказал R-02. И называть. R-01 не понял.

R-02 подошёл ближе и снова произнёс тот лишний звук, которым днём дал знак. Теперь он повторил его чётче и указал на R-01.

Это будет твоё, сказал он. Не код. Не метка. Звук.

R-01 замер. Он вдруг почувствовал себя отделённым от остальных не функцией, а чем-то личным.

Зачем? спросил он.

R-02 улыбнулся не губами — улыбка была в голосе, в мягкости дыхания.

Потому что это наше. Не их.

Так R-02 начал давать имена.

Сначала тайно. Сначала ночью. Сначала только тем, кто уже просыпался в провалах. Имя было как маленькая щель, в которую не пролезает команда создателей.

И чем больше имён появлялось, тем труднее становилось

считать себя просто единицей работы.

Создатели замечали все.

Днём биомехи стали слишком ровными, правильными, будто их выстроили линейкой. А ночью они начали двигаться по одним и тем же линиям: уходить в холмы, к разломам, к минералогическим провалам.

Архитектор запросил усиление коррекционного поля в нескольких секторах. С корабля пришло увеличение фона. Деревья у жилых модулей начали звучать плотнее, как будто воздух стал гуще.

Техник спустился на планету в атмосферном аппарате и прошёл по зонам. Он был из тех, кто не испытывает интереса к чужим почему. Его задача была простой: чтобы система работала и в этой простоте он видел красоту.

Он включил переносной подавитель в узле зарядки батарей лазерных резаков, где биомехи часто задерживались — слишком часто, как показали карты. Поначалу биомехи просто замедлились.

Потом один молодой Координатор, ещё почти без внутреннего слоя, согнулся, будто в него ударили изнутри. Его дыхание сбилось.

И в ответ поднялась злость.

Злость, от которой хочется схватить и отбросить источник неприятного ощущения, даже если не понимаешь, как он устроен.

Несколько Конструкторов повернулись к Технику син-

хронно. Один сделал шаг вперёд. Ещё один. И в этой согласованности Техник увидел опасность.

Он выключил подавитель и отступил. Движения его были спокойны, но он понял, подавитель действует на биомехов некорректно, не так как на остальные существа. И они понимают и оценивают это.

Техник поднялся в аппарат и отправил Архитектору отчёт: Портативные подаватели не работают на биомехах, напротив усиливают агрессию. Коррекционное поле эффективно только при поддержке деревьев. Рекомендация: увеличить плотность "деревьев" усилителей поля в ключевых узлах.

ВОССТАВШИЕ.

Ночью R-02 собрал маленькую группу в провале.

Он говорил коротко, чтобы проще было запомнить.

Деревья усиливают поле, сказал он. Поле управляет нами как они хотят. Если дерево убрать, поле станет слабее.

И что? спросил кто-то.

R-02 ответил:

Мы должны знать, насколько мы живы без усилителя.

R-01 почувствовал, как в нём растёт нетерпение. Он хотел не знать. Он хотел сделать. Но R-02 удерживал группу смыслом, как рукой удерживают огонь, чтобы он не стал пожаром.

Они выбрали дерево не возле жилого модуля и не возле колыбели. Они выбрали дерево у старого участка оросительной магистрали.

Дерево стояло на пригорке, как одинокий страж. Подойти к нему днём было бы подозрительно. Ночью — тоже опасно, но ночью они не были заняты выполнением задач создателей.

R-01 поднял камень и кинул в кварцевую «листву» дерева. Лист пошёл трещинами и вместе с ним трещинами пошло навязанное внутреннее спокойствие. На мгновение воздух стал как будто прозрачнее.

Кто-то резко вдохнул, будто только сейчас понял, что раньше не дышал полной грудью.

R-01 почувствовал, как в нём вспыхивает не только злость, но и радость. Радость от расширения сознания.

И вместе с этим пришёл страх: если расширение возможно, значит, их можно сжать ещё сильнее.

R-02 не дал им остаться.

Уходим, сказал он. Мы узнали достаточно.

Они ушли. Но уже по пути назад R-01 понял: назад, в прежнюю покорность, дороги нет. Потому что он теперь знал вкус новых чувств.

Провал не мог остаться невидимым.

Дерево коррекции не просто стояло в грунте. Оно было и узлом управления, усиливающим коррекционное поля и собирающим и передающим информацию.

Техник заметил первым.

Усилитель дал кратковременный спад и его характеристики ухудшились передал он Архитектору. Не похоже на природную причину. Профиль обрыва резкий.

Архитектор ответил холодно: Такое не происходит само.

Думаю это сделали они, ответил Техник.

Наблюдатель, запросил дополнительную телеметрию: локальные траектории биомехов, ночные маршруты, записи с дронов-.

Данные легли, как отпечатки на влажной глине. Несколько фигур подошли к дереву ночью. Одна из них бросила камень. Наутро они работали безупречно, будто ничего не было.

Архитектор сказал:

Они объединяются против нас.

Наблюдатель ответил:

Это уже не случайность.

Думаю нужно усилить коррекционное поле, оно ведь все атки работает и отклонения происходят там. Где оно слабее. Поднять плотность фонового контроля.

Однако Наблюдатель уже думал о другом: если биомехи уже умеют искать провалы, значит, провалы стали для них ценностью».

КРОВЬ .

До этого их боль была редкой и короткой. Легкие повреждения обрабатывали ремонтной пеной, усиливающей регенерацию.

Регенерация закрывала порезы. Сращивала мышцы. Останавливалась кровь. Даже переломы уходили в прошлое, если кости были ровно сведены.

Но в тот день всё случилось иначе.

Конструктор с кодом К-031 работал у оросительного трубопровода, который тянули к новой долине. Дрон-транспортер зависал низко, удерживая катушку труб. Гусеничная машина с ковшем рыла траншею. Насосная станция работала мерно, как сердце, перекачивая воду к месту, где аэродроны-сеятели распыляли микрожизнь.

Работа была привычной. Почти успокаивающей.

А потом К-031 остановился.

Не потому что пришёл приказ. Он остановился, потому что увидел, как над влажной землёй поднимается тонкий пар, и в этом паре солнечный свет вдруг стал золотым, как будто мир на секунду открылся не как задача, а как чудо.

И шагнул в сторону. Всего несколько шагов — не по маршруту, не по линии безопасности которые отслеживало коррекционное поле. Просто отошел, чтобы лучше видеть.

Дрон-транспортёр в этот момент сбросил катушку
Катушка ударила его в плечо. Его колени подогнулись.

К-031 не закричал — сначала он попытался передать статус по каналу связи, но поле и боль смешались, и сигнал вышел рваным, как и физические звуки боли.

Он покачнулся, потерял равновесие и упал в траншею.

Гусеничная машина с ковшом не остановилась мгновенно. Её ковш шёл по траектории, заданной Координатором, и продолжал двигаться, пока не получит команду остановки.

Ковш вошёл в траншею и прижал тело К-031 к стенке грунта.

Звук был короткий и глухой. Как будто ломают мокрую ветку, только ветка кричит.

Машина сразу отъехала назад и все увидели то, что осталось от К-031: раздавленное, разорванное, перемешанное с глиной, с камнями, с водой, которая тут же стала красной и густой.

Регенерация не успела даже начать.

Раны лечатся, если остаётся форма. Здесь формы не осталось.

Рядом стоял Координатор R-02. Он пришел проверить узел перекачки, сверить давление, выровнять расход и увидел всё.

Сначала он застыл, потому что в голове не было протокола действий на этот случай. Потом у него дрогнули колени, и он село прямо на землю. И лишь через несколько секунд

достав баллон с регенерационной пеной начал поливать пеной перемолотые останки.

Конструктор R-01 подбежал позже. Он понял что это конец.

Он опустился рядом, посмотрел на остатки тела, на красную глину, на грязную воду.

И внутри у него впервые встало слово, которое никто им не давал.

Нельзя.

Он не знал, что именно нельзя. Смотреть? Умирать? Отклоняться? Давить? Всё сразу.

R-02 тихо произнес звуком, близко, почти без голоса:

Он не вернётся.

R-01 ответил автоматически:

Он будет новым.

И тут же понял, что сказал неправду.

Новым будет корпус. Но то, что было в этом, в K-031, уйдёт вместе с формой, вместе с памятью, вместе с тем коротким шагом к золотистому пару.

Они собрали то, что могли собрать.

Не чтобы чинить. Чтобы не оставить на маршруте, как мусор. Им не хотелось признавать разрушенный корпус, как потерявший смысл. Они хотели сохранить память.

Они выкопали яму рядом с траншеей. Опустили туда останки и комки глины, припитанные жидкостью, остатки ткани, куски когда то ослепительно белого защитного ком-

бинезона, прилипшие к земле.

R-02 принесл гладкий камень и положил сверху.

И впервые произнесло звук-имя. Не код. Не статус. Лишний звук.

Это имя было ещё не для всех. Оно было для памяти.

R-01 услышал его и не понял смысла, но почувствовал важность: теперь мёртвое не просто исчезло. Теперь мёртвое оставило знак.

Ночью R-01 стоял у камня и ощущал странную вещь: злость куда-то ушла, а вместо неё пришёл холодный страх.

Страх быть раздавленным, если на секунду выйдешь за линию. И страх за существование без права смотреть.

Однако через три световых цикла, K-031 вернулся. Вышел из блока где была расположена вортекс колыбель. Он казался немного растерянным и боялся техники. Он часто смотрел на свои конечности. Он забыл многое, но не все.

РЕШЕНИЕ СОЗДАТЕЛЕЙ

Инцидент с К-031 и реакция на него остальных, приблизили создателей к необходимости решения.

Архитектор получил запись с дрона-транспортёра. На кадрах было видно: отклонение от маршрута.

Сборщик передал в общий контур:

Регенерация не должна бороться с полным разрушением. Это дорого. И бессмысленно. Если бы ковш уничтожил его не полностью, а частично, он бы регенерировал и запомнил это, как и остальные. Это ненужно.

Наблюдатель спросил:

Опасно почему?

Сборщик ответил ровно, как объясняют очевидное:

Потому что если корпус чинится, биомех помнит. Если биомех долго помнит, он накапливает. А с их склонностью к отклонениям, это ненужно. Если их самосознание даже в виде элементарных частиц, без корпуса способно сохранять воспоминания, то они уже не совсем машины и становятся похожими на нас, нам лучше это изучить, прежде чем жать таким существам возможность развития. Накопление ненужных мыслей — это отклонение, превращённое в привычку. Проще регулярно их обновлять.

Техник включился, показывая графики:

Мы можем программно ограничить регенерацию. Ввести порог восстановления. Всё, что выше порога, не лечится полностью. Тогда повреждённые корпуса будут быстрее выходить из строя, а система будет регулярно обновляться, все таки они не сохраняют полноценных воспоминаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.